

два рассказа
об одном

Роза
Хуснутдинова

96

«Твоя изогнутая бровь...»

В ПУСТЫННОЙ местности, у развилки двух дорог, где возвышался холм, похожий на шлем древнего воина, в сумерках встретились две кавалькады. Одну возглавлял величественный старик с властным лицом, в богатых одеждах, с тюрбаном на голове, на котором сверкал огромный рубин, впереди второй кавалькады на белом скакуне ехала женщина с короной на голове, украшенной драгоценными камнями.

– Приветствую тебя, о несравненная Мехри-бану! Ты по-прежнему прекрасна, как утренняя заря, как весенний цветок в пустыне, как луна в полнолуние! А ведь прошло полвека с того дня, как мы виделись с тобой!

– Приветствую и тебя, могучий Джасур-бек, благороднейший правитель своей династии! Я поспешила на

встречу с тобой, как только получила весть. О чём ты хотел мне сообщить?

– Я уже не правитель, Мехри-бану, теперь правит мой сын Санжар, он советуется со мной по всем важным делам. Но он хочет женить своего сына, моего внука Мансура, на бактрийской царевне с жёлтыми глазами. А я видел твою внучку, Сарию-бану, она так похожа на тебя! Пусть нам не удалось соединить сердца в дни нашей юности, внуки могут породнить нас, о, отрада моего сердца, несравненная Мехри-бану!

Женщина с изумлением смотрела на Джасур-бека.

– Ты помнишь это место? – дрогнувшим голосом продолжал он, показывая рукой на каменистый холм. – Как я умолял тебя укрыться в пещере холма, чтобы воины твоего отца не схватили тебя

и не увезли на свадьбу с хорезмийским ханом! Почему, почему тогда ты не послушалась меня?!

Мехри-бану увидела, что Джасур-бек взволнован, что руки у него дрожат, один глаз наполовину прикрыт веком, второй – сверкает, из него сыплются искры.

– Я хочу приблизиться к тебе, о, жемчужина моего сердца, – Джасур-бек вцепился в лук седла, собираясь спрыгнуть на землю, но задержался, чувствуя, что прыжок причинит ему боль, левая нога сильно болела.

– Нет-нет, оставайся на коне, так я лучше вижу тебя, – поспешила сказать Мехри-бану.

– Но я хочу коснуться твоей руки, пальцев, нежных, как пух на голове птенца удода! – воскликнул Джасур-бек.

Мехри-бану сжала пальцы руки, мизинец не слушался, сгибать его было больно.

Со стороны холма послышалось птичье пение, мелодичное квохтание.

– Слышишь, это наша птичка – кеклик! Она всегда начинала петь, когда видела нас вместе. И когда я читал тебе стихи.

И Джасур-бек произнёс с чувством:

**Твоя изогнутая бровь,
Как лук, что натянул стрелу,
Стрелой любви давно сражён,
Горю, сгораю, но – терплю!**

Мехри-бану почувствовала, что у неё заколотилось сердце, оно билось всё сильнее.

Женщина достала из кармашка бархатного платья крохотный белый шарик, быстро проглотила его. Мудрый таиб Лукман, лечивший всех во дворце по рецептам великого Авиценны, советовал ей носить эти шарики с собой, при сердцеебиении – проглатывать.

Мехри-бану обернулась к служанке, сидящей на рыжей кобылке.

– Хадиджа! Позови Саида, вместе с ним снимите поклажу с вьючной лошади, расстелите ковёр и подушки вон там, – показала на ровную площадку у подножия холма. – Достаньте еду и кувшин с щербетом.

Слуги принялись за дело. Скоро у подножия холма был расстелен мягкий бордовый ковёр, разбросаны кожаные плоские подушки, появились блюда с жареными перепёлками, лепёшками, виноградом, кувшин с щербетом.

– Прошу к моему дастархану, – плавно повела рукой Мехри-бану, обратившись к Джасур-беку, всё ещё восседавшему на коне.

– Махмуд! – позвал тот.

К Джасур-беку подбежал молодой, плотного телосложения слуга, помог господину сойти с лошади.

Джасур-бек потоптался на месте, проверяя, слушаются ли ноги и, удовлетворённо улыбнувшись, бодро зашагал к ковру, уселся напротив Мехри-бану.

В наступающих сумерках лицо женщины белело нежно и таинственно, огромные чёрные глаза светились лаской и вниманием.

– О, как ты прекрасна! – не выдержал Джасур-бек и протянул руку, чтобы коснуться руки Мехри-бану.

Но та проворно схватила с глиняного блюда жареную перепёлку и протянула гостю:

– Угощайся, очень тебя прошу!

Джасур-бек вцепился крепкими зубами в аппетитно пахнущее крылышко перепёлки, сказал:

– Из твоих рук я готов съесть и ядовитую змею!

– Лепёшку попробуй... – Женщина протянула ему румяную лепёшку. – Сама испекла!

– Сама? – изумился Джасур-бек.

– Да, я люблю иногда готовить! Мой супруг, Бахтияр-хан, да пребудет его душа в раю, всегда просил, чтобы я подавала ему лепёшку, которую испекла сама. И мои внуки любят печь!

– У тебя, кажется, три внуки? – дрогнувшим голосом произнёс Джасур-бек, пробуя чёрную виноградинку.

– Да, Сария-бану – самая красивая из них. Ещё растут четыре внука. Но я знаю, что у тебя пять внуков, самый достойный из них – Мансур. Слышала, в прошлом году он одержал победу над дикими киргизскими племенами?

– Да, Мансур – смелый воин, он всегда обдумывает ход предстоящего сражения и выигрывает его.

– Ещё я слышала, он знает много языков, даже румийский?

– Румийский – тоже знает. Мансур как-то признался, что хотел бы стать учёным, по ночам он любит разглядывать звёздное небо. Но я не хочу, чтобы он стал затворником, в будущем он должен править страной. И ему нужна достойная супруга. Как твоя внучка!..

– Ой, ящерица! – воскликнула Мехри-бану, показывая изящной рукой, унизанной перстнями и кольцами, на маленькую юркую ящерицу, приблизившуюся к ковру.

– Наверное, учуяла запах твоих яств, – засмеялся Джасур-бек.

Услышав хриплый голос мужчины, ящерица метнулась назад, исчезла в ночной темноте.

– А я помню, как однажды здесь ты хотела поймать ящерицу... Бросилась за ней, схватила за хвост, а она выскользнула и убежала, только хвостик оставила. Ты заплакала...

– Да, ведь я тогда загадала желание, буду ли счастлива? Если поймаю ящерицу – буду! А она выскользнула, убежала...

– Так ты не была счастлива с Бахтияр-ханом? – тихо спросил Джасур-бек.

Мехри-бану отпила из пиалы щербета, задумчиво произнесла:

– Да, Бахтияр-хан был хорошим мужем, не прекословил мне, при нём страна богатела, он умел договариваться с соседями. У нас родились дети, слава Аллаху, они все здоровы. Но, видно, первое чувство – самое сильное в жизни, о нём помнишь всегда...

Помолчали. В наступившей тишине стали слышны голоса переговаривающихся слуг, топящихся возле лошадей, звонкий смех Хадиджы.

– Говорят, в твоём гареме триста наложниц, есть даже эфиопка? – вдруг спросила Мехри-бану.

Джасур-бек рассмеялся:

– Я редко посещаю свой гарем. Но

я должен держать его при дворце, такая традиция... Я слышал, что недавно к вам приезжал раджа из Хиндустана и подарил тебе алмаз величиной с куриное яйцо? Не этот ли алмаз сверкает на твоей короне?

– Да, этот, – улыбнулась Мехри-бану. – Я тоже подарила радже при его отъезде красивый ковёр размером с дворцовую площадь. Такова традиция – обмениваться ценными подарками с дружественными странами.

Опять помолчали.

– Ты по-прежнему играешь на сазе? – спросил Джасур-бек.

Мехри-бану покачала головой:

– Иногда. Когда не нужно думать о делах, о детях. Когда остаюсь одна и вспоминаю те далёкие годы...

На небе из-за холма показалась сияющая луна.

– Уже ночь, нам, наверное, пора прощаться, – тихо произнесла Мехри-бану. – А Мансур пусть приезжает. У нас через неделю – скачки, пусть приезжает на скачки. И себя покажет.

– Подожди, не торопись, – тихо произнёс Джасур-бек.

Он сидел с опущенной головой, прерывисто дышал.

– Знаешь, – сказал он изменившимся, хриплым голосом. – Мне кажется, что скоро Джабраил явится за мной. Аллах призывает меня... И где я окажусь там? В аду или в раю?

– Не в аду! – решительно произнесла Мехри-бану. – Ты честно исполнял свой долг перед людьми и перед Аллахом, сберёг страну, приумножил её богатства, вырастил детей. Жители довольны твоим правлением, все об этом говорят. А если ещё и моя внучка Сария-бану выйдет замуж за твоего внука Мансура – чего ещё нам желать? Мы породнимся!

– О, отрада моего сердца! – прошептал Джасур-бек. – Ты всегда умела найти нужные слова!

Он помолчал, потом снова заговорил:

– Но в раю мы ведь будем не людьми – ангелами. А ангелы не обнима-

ются. Как я хочу обнять тебя сейчас! – И Джасур-бек протянул руки к Мехри-бану.

Женщина отпрянула, покачала головой:

– Ты выпил пиалу с щербетом, а говоришь так, будто выпил кувшин с вином!

Джасур-бек засмеялся.

– Я опьянел от того, что снова вижу тебя! От любви к тебе! У меня даже голова закружилась!

Мехри-бану, нахмурившись, смотрела на него.

– Если голова закружилась, приляг, отдохни немножко...

Она пододвинула ему кожаные подушки.

– Ты так заботлива! – Джасур-бек прилёг на подушки, устремил взгляд в бездонное ночное небо. – Смотри, какая сегодня луна! Это, чтоб я лучше видел тебя!

И он продекламировал:

**Сияй, луна! Твой лик прекрасен,
Но пятна тёмные на нём,
Моей возлюбленной лик ясен,
И пятен нет на лице том!**

Вдруг в темноте послышались звуки, похожие на тявканье собаки. Мехри-бану всмотрелась в темноту и вскочила.

– Джасур-бек! Шакал! За твоей спиной!

Джасур-бек обернулся и увидел неподалёку от себя приготовившегося к прыжку зверя, его горящие глаза, оскаленную пасть.

– Ах, ты, шайтанское отродье! Гнусная тварь! Как посмел ты явиться сюда, нарушить наше уединение?

Мужчина вскочил с ковра, выхватил из-за пояса меч и двинулся на зверя, размахивая им и выкрикивая:

– Ах ты!.. Собака! Шайтан!

Взвизгнув, шакал отступил и бросился наутёк.

– Хадиджа! Саид! Махмуд! – позвала Мехри-бану.

От стоянки лошадей прибежали слуги.

– Что такое, госпожа?

– Что, не видели? Тут шакал был!

Но вдруг она заметила, что Джасур-бек стоит, пошатываясь, держится рукой за грудь.

– Что с тобой, Джасур-бек? – кинулась к нему Мехри-бану. – Махмуд, помоги господину!

Махмуд подбежал к Джасур-беку, обхватил его могучими руками, повёл к коврику. Джасур-бек медленно сел, откинулся на подушки, закрыл глаза, руку он по-прежнему держал на груди.

– Что, сердце болит? – шёпотом спросила Мехри-бану.

Мужчина кивнул.

Мехри-бану поспешно вынула из кармашка бархатного платья крохотный белый шарик, протянула мужчине.

– Глотай!

Джасур-бек взял лекарство, послушно проглотил.

Мехри-бану подала ему пиалу с щербетом.

– Запей!

Джасур-бек выпил пиалу, снова откинулся на подушки.

Мехри-бану с тревогой смотрела в его искажённое страданием лицо.

– Тебе не легче?

Мужчина открыл глаза, лёг удобнее, кивнул:

– Легче.

Лицо его разгладилось, и он, не отрываясь, смотрел на Мехри-бану.

– Я так рад, что приехал на встречу с тобой, увидел тебя. Ах, если бы ты всегда была рядом, до последнего моего вдоха!

Женщина села с ним рядом, коснулась его руки.

Джасур-бек произнёс:

– О, твоя рука! Китайских всех шелков нежней...

Но Мехри-бану быстро остановила его:

– Завтра я пришлю к тебе нашего дворцового табиба Лукмана, он мудрый человек, знает рецепты великого Авиценны, он поможет тебе!

– О, отрада моего сердца! – прошептал Джасур-бек.

Через некоторое время от огромного

холма у развилки двух дорог разъезжались в разные стороны две кавалькады. Луна на небе заливала ярким светом каменистую дорогу, по которой ехали всадники, гигантский холм, оставшийся позади, гребни гор вдали. Со стороны холма слышалось жалобное квохтание птички кеклик.

– Госпожа, Вы плачете? – прошептала Хадиджа, подъезжая на рыжей кобылке к белому скауну, на котором

ехала, опустив голову, Мехри-бану. На лице её блестели слёзы.

– Да, Хадиджа, я плачу, потому что, может, в последний раз видела человека, которого сильно любила. И в следующий раз мы встретимся с ним лишь в раю.

Мехри-бану помолчала и добавила шепотом:

– Но в раю мы будем не людьми, ангелами. А ангелы не обнимаются.

«За родинку ТВОЮ ОТДАМ Я...»

В ЗОЛОТОЙ осенний день на оживлённой улочке маленького городка неподалёку от Канн – места, где проходят знаменитые кинофестивали, в уютном кафе «Чай по-восточному» за столиком у окна сидел элегантно одетый мужчина с проседью в густых чёрных волосах. Он походил на кинозвезду – Алена Дело-на, но узкий разрез глаз и выступающие скулы выдавали в нём уроженца Центральной Азии. Мужчина маленькими глотками пил зелёный чай. На блюде перед ним лежала свежее выпеченная лепёшка, в вазочке изюм и орешки.

Вдруг мужчина удивлённо вскинул глаза, приподнялся... В кафе вошла дама в шуршащем плаще, в узорчатом платке, лицо у неё было привлекательное, с крошечной родинкой на левой щеке, взгляд спокойный, доброжела-

тельный, на вид ей можно было дать немногим больше пятидесяти лет.

– Зухра! Ты? – Мужчина с радостной улыбкой устремился к ней, повёл к своему столику. – Пожалуйста, садись, сколько же мы не виделись!

– Салям, Тахир! Не виделись целую вечность...

– Как ты здесь очутилась?

– Внучка учится в колледже для одарённых детей, она получила грант. Я прибыла с ней. А ты как здесь?

– Приехал в издательство, хотят переводить мою книгу.

– Какую?

– Про Джалаладдина Руми.

Женщина покачала головой:

– Эту я ещё не читала.

– Я написал её лет пять назад.

– А мы не виделись десять...